

А.А. Рожков, И.С. Соловенко, С.А. Прокопенко

ТЕНДЕНЦИИ В ДИНАМИКЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1992–1999 гг.)

Рассматриваются тенденции в динамике производительности труда в российской угольной промышленности во время перехода к рыночным отношениям. Дается аналитический срез по годам, угольным бассейнам и месторождениям, способам добычи угля и т.д. Делается вывод о значительном прорыве в динамике этого показателя в конце 1990-х гг. Отмечается, что рыночная экономика стала менять пространственное размещение производительных сил угольной промышленности.

Ключевые слова: Россия; переход к рынку; угольная промышленность; производительность труда.

1990-е гг. – это время кардинальных и весьма противоречивых социально-экономических преобразований в России. Особенно это затронуло угольную промышленность, которая стала терять свою значимость в народном хозяйстве страны. В основу энергетической политики Правительства РФ в это сложное время был положен тезис о необходимости экономической самостоятельности субъектов топливно-энергетического комплекса, в том числе угледобывающих предприятий, в противном случае они становились банкротами. В 1990-е гг. уже не являлась приоритетной задачей валовая добыча угля нарастающим итогом, какой она была в советское время. В условиях перехода к рыночным отношениям на первый план в производственно-экономической деятельности предприятий угольной промышленности вышла задача повышения производительности труда, которая позволяла им не только сохранить, но и значительно повысить свою конкурентоспособность.

Несмотря на значимость фактора производительности труда в анализе развития угольной промышленности России, в исторической литературе данная тема не получила должного внимания. Проблемы роста производительности труда стали активно рассматриваться только с конца 1990-х гг., когда этот показатель приобрел положительную динамику, а слово «реструктуризация» уже не вызывало негативной реакции даже у рабочих. Однако производительность труда фактически не выделялась в отдельную тему, а анализировалась в контексте других производственно-

экономических и общественно-политических процессов, в основном таких как реструктуризация угольной промышленности и протестное движение шахтеров. Авторы научных трудов, освещавших процесс реструктуризации, рассматривали рост производительности труда как важнейшее достижение курса рыночных реформ [1–4]. По мнению ряда ученых, мощное протестное движение шахтеров явилось одним из факторов не только сохранения рабочих мест, зарплаты и статуса, но и снижения темпов высвобождения персонала и роста производительности труда [5–7].

Источниковой базой анализируемой проблемы стали документы Государственного архива РФ, Государственного архива Приморского края, АО «Росинформуголь» и др. Они позволяют увидеть не только объективную картину динамики этого определяющего производственного показателя, но и сравнивать его в контексте других важнейших вопросов.

Ключевой характеристикой изменения производительности труда является ее динамика во времени, которая взаимосвязана с общим технико-технологическим и экономическим состоянием развития отрасли. На основании имеющихся статистических данных можно утверждать, что наиболее трудными для угольной промышленности реформируемой России стали предшествующие реструктуризации годы (1991–1993) и первый год структурной перестройки (1994), когда производительность труда имела отрицательную динамику (рис. 1).

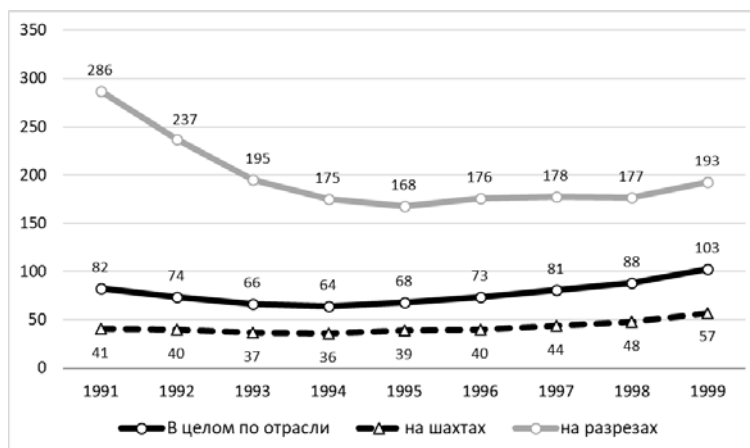

Рис. 1. Динамика среднемесячной производительности труда рабочего по добыче угля, т / чел. / мес. [8]

Между тем нельзя утверждать, что в начале рыночных преобразований вопросы повышения производительности труда на предприятиях угольной промышленности находились совсем без внимания. Мало кто из предыдущих исследователей обращал на это свой взгляд, особенно из числа критиков энергетической политики Правительства РФ. Только некоторые эксперты подчеркивают, что уже в то

время началась структурная перестройка и модернизация на таких известных в будущем предприятиях, как ОАО «Кузбассразрезуголь», «Южкузбассуголь», шахта «Распадская» [9] и др. В основном это были разрезы и шахты Кузбасса, что и позволило им на год раньше выйти на положительную динамику роста производительности труда, чем в целом по отрасли (рис. 2).

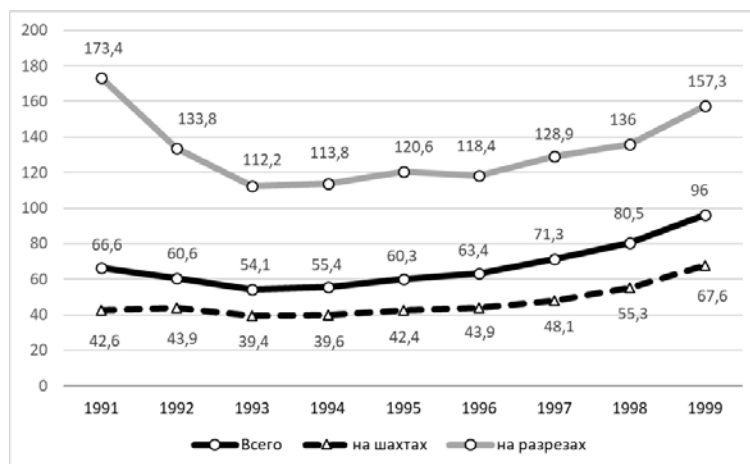

Рис. 2. Динамика среднемесячной производительности труда рабочего по добыче угля в Кузнецком угольном бассейне, т / чел. / мес. [8]

Однако таких предприятий, где целенаправленно занимались проблемой повышения производительности труда, в стране было крайне мало, а позитивные тенденции в этом направлении являлись неустойчивыми. Неудивительно, что в период с 1991 по 1994 г. производительность труда в отрасли снизилась на 22% (см. рис. 1). Если учесть то, что и в 1991 г. она не была столь высока с точки зрения международных сравнений, то можно сделать вывод о ситуации, близкой к катастрофе. В реальности уровень производительности труда в угольной промышленности России в начале рыночных преобразований соответствовал 1947 г., а на шахтах был еще ниже: на уровне 1940 г. «Распадская» – крупнейшая шахта страны, по производительности труда тогда существенно отставала от зарубежных конкурентов [1].

Основными причинами существенного падения производительности труда в начале 1990-х гг., на наш взгляд, являлись: неэффективность госсобственности, медленные темпы акционирования и последующей приватизации перспективных предприятий, дефицит капиталовложений, неподготовленность управленческих кадров к рыночным отношениям, техническая отсталость, акции протеста, высокий уровень заболеваемости рабочих, отсутствие материальных стимулов повышения производительности труда. Все эти причины были взаимосвязанными, ослабление влияния одной из них положительно отражалось на решении вопросов повышения производительности труда. Между тем опыт стран Восточной Европы наглядно показывал, что совокупность всех проблем, связанных с ростом производительности труда в угольной отрасли, кардинально могла решить приватизация шахт и разрезов.

В условиях роста дефицита доходов государства Правительство РФ взяло курс на интенсификацию приватизации, как в сфере угольной промышленности, так и в других секторах экономики. Однако политика приватизации шахт и разрезов серьезно пробуксовывала в сравнении с другими предприятиями народного хозяйства вследствие своей огромной экономической значимости, а также вынужденной масштабной социальной ответственности. Численность персонала уменьшалась намного медленнее, чем сокращались объемы добычи угля [10. Л. 19]. Не в пользу приватизации были многие объективные причины. Достаточно состоятельных отечественных предпринимателей было мало, а иностранные боялись рисковать частными инвестициями в силу серьезной политической и экономической нестабильности в России. Тем более там, где в начале рыночных преобразований оказался частный капитал, ситуация порой менялась в худшую сторону. Новые хозяева преднамеренно банкротили угольные предприятия и тем самым провоцировали массовые акции протеста рабочих. Это негативно отражалось на темпах приватизации угольных предприятий и адаптации трудовых коллективов к работе в послеприватизационный период [11. Л. 164]. Неоднозначным, а где-то и неприемлемым было отношение к приватизации со стороны руководителей угольных компаний и администраций регионов. В результате в 1994 г. только 7,2% угледобывающих предприятий были в частной собственности (рис. 3). Соответственно Правительству РФ необходимы были другие подходы, позволявшие повысить производительность труда в отрасли, которая итак теряла свою конкурентоспособность даже на внутреннем рынке.

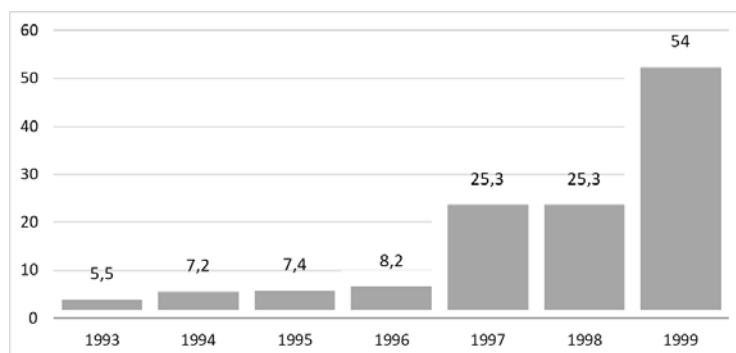

Рис. 3. Доля частных компаний в добыче российских углей в период 1993–1999 гг. [8]

Положительную динамику производительности труда придали мероприятия, обозначенные в концепции реструктуризации угольной промышленности России, которую приняли в 1994 г. Ее главным направлением стала ликвидация убыточных и неперспективных шахт и разрезов. Для предприятий, которые продолжали производственно-экономическую деятельность, предусматривались другие очень важные направления – модернизация оборудования, оптимизация численности персонала, решение социальных вопросов и др. На их реализацию с 1995 г. увеличивается доля средств бюджетного финансирования. В том году софинансирование реструктуризации угольной промышленности России начинает и Международный банк реконструкции и развития за счет предоставления бюджетозамещающих займов, первый из которых по-

ступил уже в 1996 г. в объеме 500 млн долл. США [7. С. 148–149].

С 1995 г. динамика производительности труда в угольной промышленности России приобрела стабильный положительный характер. Наиболее высокая производительность труда всегда имела место на разрезах, но более динамичными темпами она росла на шахтах (см. рис. 1). В основе такой динамики – комплекс мер по ликвидации убыточных предприятий, большую часть из которых составляли шахты. Этому способствовала и дальнейшая концентрация угледобычи на относительно рентабельных предприятиях. При этом темп роста среднемесячной производительности труда рабочего по добыче угля был выше темпа роста добычи угля к уровню 1994 г. (рис. 4).

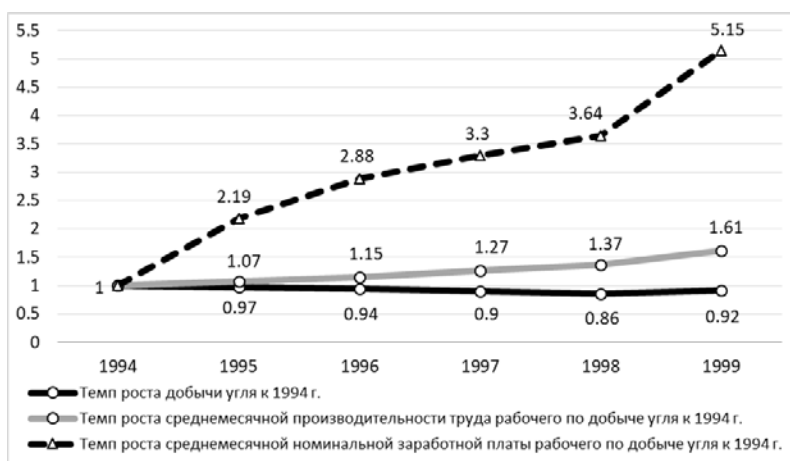

Рис. 4. Темпы изменения добычи угля, среднемесячной производительности труда и среднемесячной номинальной заработной платы рабочего по добыче угля к уровню 1994 г. [8]

Наиболее высокие темпы роста производительности труда наблюдались в 1997–1999 гг., несмотря на значительное снижение доли средств бюджетного финансирования угольной отрасли в ВВП России. Данный факт указывает на то, что в это время начинают активно развиваться частные угледобывающие предприятия, руководство которых динамично избавлялось от «лишних» рабочих и сокращало неэффективные расходы.

Серьезную роль в повышении производительности труда в конце 1990-х гг. сыграли успехи в области

политики приватизации (см. рис. 3). Бурный рост производительности труда в 1999 г. напрямую соотносится с динамичным переходом в это время шахт и разрезов в частные руки. На частных предприятиях заметно быстрее увеличилась производительность труда рабочих, наблюдался рост технико-экономических показателей.

Благодаря международному сотрудничеству появились новые возможности использования в производственной деятельности последних достижений мировой науки и техники (прежде всего, приобрете-

ние высокопроизводительного импортного горно-шахтного и горно-транспортного оборудования), а также в организации труда. Рост производительности труда имел место на отдельных предприятиях даже в наиболее депрессивных углепромышленных территориях, например в Приморском крае [12. Л. 41]. В тех компаниях (например, ОАО «Тулауголь», ОАО «Челябинскуголь»), где невозможно было достичь конкурентоспособных темпов роста производительности труда по горно-геологическим и экономическим причинам, пришлось закрывать предприятия.

Рост производительности труда наглядно демонстрировал экономическую целесообразность реструктуризации угольной промышленности. В условиях больших социальных издержек первого этапа реформ (1994–1997) она оказывала серьезное стабилизирующее воздействие на шахтерское недовольство. Однако налицо и факт неравномерного роста производительности труда в угольной промышленности России в региональном срезе. В Печорском угольном бассейне и на месторождениях Дальнего Востока за счет вывода из эксплуатации убыточных шахт (разрезов) и соответствующего высвобождения персонала с 1994 г., намечился устойчивый рост производительности труда на действующих угледобывающих предприятиях (табл. 1). В это время наибольший рост производительности труда с 1994 по 1999 г. наблюдался в Кузнецком бассейне (почти 87%) (см. рис. 2), Печорском

бассейне (21%). В Канско-Ачинском и Южно-Якутском угольных бассейнах с открытым способом добычи угля, где не велась ликвидация убыточных предприятий, к концу 1999 г. по ряду объективных причин (излишняя численность персонала, недостаток инвестиций на техническое перевооружение, акционирование и приватизация предприятий) не удалось выйти на уровень производительности труда, достигнутый в 1991 г. В Донецком угольном бассейне с исключительно подземным способом добычи угля одновременно шли ликвидация убыточных шахт и поддержание добычи на действующих перспективных. При этом в период 1994–1999 гг. производительность труда фактически оставалась на одном уровне 26–28 т / чел. / мес. В тех угольных бассейнах, где шла интенсивная ликвидация убыточных шахт и где не было предпосылок для развития перспективных угледобывающих предприятий, прежде всего открытого способа добычи, продолжала падать и среднемесячная производительность труда, в частности, в Подмосковном угольном бассейне и Кизеловском на Урале, в которых впоследствии добыча угля была полностью прекращена. Во многом это объясняет потерю в дальнейшем топливно-энергетической значимости таких региональных комплексов, как Донецкий, Уральский и Подмосковский угольные бассейны. В то же время существенно укрепились позиции предприятий Кузбасса и Восточной Сибири.

Таблица 1

Среднемесячная производительность труда рабочего по добыче угля на шахтах и разрезах в основных угольных бассейнах (месторождениях) России в период 1991–1999 гг., т / чел. / мес. [8]

Месторождения	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Донецкий бассейн	29,6	27,5	26,3	26,2	28,1	26,8	28,3	27,3	28,3
Печорский бассейн	65,7	66,6	59,8	66,4	70,6	75	77,7	75,3	83,7
Подмосковский бассейн	51,6	41,6	35,7	26,2	26,7	24,7	36	29,9	24,3
Бассейны и месторождения Урала	53,5	51,8	50,7	44,0	38,5	44,3	46,5	45,4	51,1
Канско-Ачинский бассейн	839,9	692,1	371,6	346,3	324,9	358,2	343,4	342,7	353,5
Южно-Якутский бассейн	424,1	375,7	403,3	377,1	415,6	435,9	477	399,6	379,5
Месторождения Дальнего Востока	108,3	90,9	69,6	54,3	69,9	68,4	85,4	107,4	124,0

В целом отечественная угольная промышленность в течение 1990-х гг. прошла сложный путь, в ходе которого были решены многие острые проблемы, в том числе в вопросах повышения производительности труда. Между тем в конце рассматриваемого периода оставались не решенными следующие важные проблемы. Во-первых, в силу технологических особенностей увеличился разрыв в производительности труда между разрезами и шахтами (см. рис. 1). Во-вторых, показатель производительности труда в угольной промышленности России по-прежнему был меньше, чем за рубежом примерно в пять раз [13. Р. 588]. Соответственно, наносился ущерб конкурентоспособности российского угля. В-третьих, динамика роста производительности труда заметно отставала (особенно в 1999 г.) от темпов увеличения номинальной

заработной платы рабочего по добыче угля (см. рис. 4). Это не позволяло снижать себестоимость продукции и, таким образом, повышать конкурентоспособность предприятий. В-четвертых, так и не был запущен механизм внутреннего инновационного обновления предприятий и технологий (рационализация, изобретательство, поощрение творческой активности работников). Нарастание объемов угледобычи с ростом производительности труда шло в основном за счет применения высокопроизводительного импортного оборудования и концентрации горных работ. О создании корпоративных инновационных систем в те годы даже не шло и речи [14].

Таким образом, выделяются три этапа в эволюции производительности труда в угольной промышленности России периода 1990-х гг. Первый этап –

это спад, который наблюдался с 1992 по 1994 г.; второй – выход на позитивную динамику (1995–1998 гг.); третий – динамичный рост (с 1999 г.). Рост производительности труда стал залогом укрепления конкурентоспособности российских угледобытчиков на зарубежном рынке. Важно и то, что фактор роста производительности труда был определяющим в пространственном развитии угольной отрасли и при-

вел к изменению географии угледобычи в стране. Закрытие убыточных и развитие перспективных предприятий и компаний привело к перемещению производственных мощностей угольной отрасли в Восточную Сибирь и на Дальний Восток страны. Рыночная экономика стала менять пространственное размещение производительных сил угольной промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козовой Г.И. Долгосрочная конкурентоспособность – главное условие жизнеспособности угледобывающих предприятий в рыночной среде // Проблемы реструктуризации угледобывающих предприятий: ИГД УрО РАН, НТЦ-НИИОГР. Екатеринбург, 1998. С. 14–19.
2. Яновский А.Б., Скрыль А.И. Реструктуризация угольной промышленности России: предпосылки, опыт, проблемы, перспективы // Уголь. 1999. № 7. С. 14–18.
3. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 198 с.
4. Рожков А.А., Соловенко И.С. Основные тенденции развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 124–136.
5. Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998. 270 с.
6. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг.). М., 2001. 416 с.
7. Соловенко И.С. Протестное движение шахтеров России в 1992–1999 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 600 с.
8. Текущий архив АО «Росинформуголь».
9. Никитин А.И. Реструктуризация угольной промышленности. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1318> (дата обращения: 08.01.2015).
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10204. Оп. 2. Д. 90.
11. Постановление коллегии Государственного комитета РФ по промышленной политике «О процессе приватизации в промышленном комплексе и проекте государственной программы приватизации», 7 декабря 1993 г. // ГАРФ. Ф. Р-10066. Оп. 1. Д. 5.
12. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 178.
13. Solovenko I.S., Trifonov V.A., Nagornov V.I. Russian Coal Industry Amid Global Financial Crisis in 1998 and 2008 // Applied Mechanics and Materials. 2014. Vol. 682. P. 586–590.
14. Prokopenko S.A., Ludzish V.S., Kurzina I.A. Improvement of cutting tools to enhance performance of heading machines in rocks // Journal of Mining Science. 2016. Vol. 52, is. 1. P. 153–159.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2019 г.

Trends in Labor Productivity in the Russian Coal Industry (1992–1999)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 127–132.

DOI: 10.17223/15617793/440/17

Anatoliy A. Rozhkov, NUST MISiS College of Economics and Industrial Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: raa@riu.ru

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, Tomsk Polytechnic University Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Sergey A. Prokopenko, Sibirskiye Gornopromyshlenniki, Research and Production Enterprise (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sibgp@mail.ru

Keywords: Russia; transition to market economy; coal industry; labor productivity.

The object of the research is trends in labor productivity dynamics in the Russian coal industry during the transition to a market economy. The authors draw attention to the fact that in the first years of the reform of the coal industry, labor productivity declined significantly and by this indicator Russia was noticeably inferior to the leading coal-producing countries of the world. The government solved this problem through the privatization of mines and cuts. Since 1994, the course was taken to restructure the coal industry. Despite the high social costs, due to the restructuring, it was possible to significantly reduce the number of inefficient enterprises. For enterprises that continued production and economic activities, other very important areas were envisaged – equipment modernization, staff optimization, social issues, and others. Since 1995, the proportion of budget funds increased. Thanks to international cooperation, new opportunities emerged in the production activities of the latest achievements of world science and technology (above all, the acquisition of high-performance imported mining and mining and transportation equipment), as well as in the organization of labor. Since 1995, positive dynamics of labor productivity were observed in the Russian coal industry. The best indicators were at the enterprises of the Kuznetsk coal basin. The large-scale privatization of mines and opencast mines in 1999 made it possible to markedly increase the growth rate of labor productivity, and as a result, to put the Russian coal industry in the category of internationally competitive ones. According to the authors, at the end of the period under review, the following important problems remained unresolved: (1) the gap in labor productivity between cuts and mines increased; (2) labor productivity in the coal industry of Russia was still about five times lower than abroad; (3) the dynamics of labor productivity growth noticeably lagged (especially in 1999) from the rate of increase in the nominal wages of a coal mining worker; (4) the mechanism of internal innovation renewal of enterprises and technologies (rationalization, invention, promotion of creative activity of workers) was not launched. The final conclusion is the following. There are three stages in the evolution of labor productivity in the coal industry of Russia of the period under review. The first stage is the decline, which was observed from 1992 to 1994. The second is a transition to positive dynamics (1995–1998). The third is dynamic growth (since 1999). The factor of growth of labor productivity became decisive in the spatial development of the coal industry and led to a change in the geography of coal mining in the country. Production capacity of the coal industry began to move to Eastern Siberia and the Far East of the country.

REFERENCES

1. Kozovoy, G.I. (1998) Dolgosrochnaya konkurentosposobnost' – glavnoe uslovie zhiznesposobnosti ugledobyvayushchikh predpriyatiy v rynochnoy srede [Long-term competitiveness is the main condition for the viability of coal-mining enterprises in the market environment]. *Problemy restrukturyzatsii ugledobyvayushchikh predpriyatiy*. 3. pp. 14–19.
2. Yanovskiy, A.B. & Skryl, A.I. (1999) Restrukturyzatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii: predposylki, opyt, problemy, perspektivy [Restructuring of the coal industry in Russia]. *Ugol'*. 7. pp. 14–18.
3. Kozhukhovskiy, I.S. (2003) *Restrukturyzatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii* [Restructuring of the coal industry in Russia]. Economics Cand. Diss. Moscow.
4. Rozhkov, A.A. & Solovenko, I.S. (2017) Major trends in Russian coal industry in the late 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 124–136. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/16
5. Il'in, V.I. (1998) *Vlast' i ugol': shakhterskoe dvizhenie Vorkuty (1989–1998 gody)* [Power and coal: the mining movement of Vorkuta (1989–1998)]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
6. Borisov, V.A. (2001) *Zabastovki v ugol'noy promyshlennosti (analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–99 gg.)* [Strikes in the coal industry (analysis of the mining movement for 1989–99)]. Moscow: ISITO.
7. Solovenko, I.S. (2017) *Protestnoe dvizhenie shakhterov Rossii v 1992–1999 gg.* [Protest movement of miners of Russia in 1992–1999]. History Dr. Diss. Tomsk.
8. Current Archive of Rosinformugol'. (In Russian).
9. Nikitin, A.I. (2010) *Restrukturyzatsiya ugol'noy promyshlennosti* [Restructuring of the coal industry]. [Online] Available from: <http://www.ru-90.ru/node/1318>. (Accessed: 08.01.2015).
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10204. List 2. File 90. (In Russian).
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-10066. List 1. File 5. *Postanovlenie kollegii Gosudarstvennogo komiteta RF po promyshlennoy politike "O protsesse privatizatsii v promyshlennom komplekse i proekte gosudarstvennoy programmy privatizatsii", 7 dekabrya 1993 g.* [Decision of the Board of the State Committee of the Russian Federation on Industrial Policy "On the privatization process in the industrial complex and the draft state privatization program", December 7, 1993].
12. State Archive of Primorsky Krai. Fund R-1707. List 1. File 178. (In Russian).
13. Solovenko, I.S., Trifonov, V.A. & Nagornov, V.I. (2014) Russian Coal Industry Amid Global Financial Crisis in 1998 and 2008. *Applied Mechanics and Materials*. 682. pp. 586–590. DOI: 10.4028/www.scientific.net/AMM.682.586
14. Prokopenko, S.A. & Ludzish, V.S. (2016) Kurzina I.A. Improvement of cutting tools to enhance performance of heading machines in rocks. *Journal of Mining Science*. 52 (1). pp. 153–159. DOI: 10.1134/S1062739116010248

Received: 05 March 2019